

ЮРИИ СЛЁЗКИН

ЕВРЕИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ВРАЖДБА МЕЖДУ НАМИ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

9

ВВЕДЕНИЕ

11

ГЛАВА 1

САНДАЛИИ МЕРКУРИЯ

Евреи и другие кочевники

19

ГЛАВА 2

НОС СВАНА

Евреи и другие европейцы

67

ГЛАВА 3

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ БАБЕЛЯ

Евреи и русская революция

147

ГЛАВА 4

ВЫБОР ГОДЛ

Евреи и три Земли Обетованные

263

ПРИМЕЧАНИЯ

455

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

503

САНДАЛИИ МЕРКУРИЯ

Евреи и другие
кочевники

ГЛАВА 1

Арес вздремнул, и вновь война
Немедленно объявлена
Меж теми, кто поклоны
Шлет юному Гермесу хитрецу,
И теми, кто поверил, как отцу,
Павлину Аполлону.

У. О. Оден. Под чьей лирой

В общественном и экономическом положении евреев средневековой и новой Европы не было ничего необычного. Многие аграрные и пастушеские общества включают в себя общины чужаков, выполняющих обязанности, которыми коренные жители заниматься не хотят или не могут. Смерть, деньги, болезни, торговля, магия, дикая природа и внутреннее насилие часто являются ремеслом людей с чуждыми богами, корнями и языками (или считающихся таковыми). Подобного рода специализированные иностранцы могут использоваться от случая к случаю — как личные рабы, писцы, купцы и наемники — или находиться под рукой постоянно, в виде демографически закрытых эндогамных племен. Их могут допускать — или принуждать — к выполнению определенных работ, потому что они этнические чужаки, или превращать в этнических чужаков, потому что они специализируются на выполнении определенных работ, — так или иначе, они сочетают возобновляемую этничность с опасными занятиями. В Индии такие самовоспроизводящиеся, но не самодостаточные сообщества образуют сложную символическую и экономическую иерархию; в других местах они ведут шаткое, а временами призрачное существование парий в отсутствие освященной религией кастовой системы.

В средневековой Корее народности коли сачук и хуа-чук чаеин использовались как плетельщики, сапожники, охотники, мясники, колдуны, палачи, телохранители, шуты, танцоры и кукловоды. В Японии Асикага и Токугава одно племя (эта) занималось забоем животных, публичными казнями и похоронными услугами, а другое (хинин) монополизировало нищенство, проституцию, жонглерство, натаскивание собак и заклинание змей. В Африке начала XX века сомалийские иебиры практиковали магию, хирургию и обработку кож; fuga Южной Эфиопии специализировались на лицедействе, резьбе и гончарстве; а бродячие кузнецы сахеля, Сахары и Судана были среди прочего менялами, ювелирами, могильщиками, музыкантами, скототорговцами, специалистами по обрезаю и посредниками при улаживании конфликтов. Европейские “цыгане” и “странники” — наследственные лошадиные барышники, предсказатели судеб, бродячие торговцы, ювелиры, музыканты, трубочисты, лудильщики, точильщики, старьевщики, сборщики металлолома и “социальные мусорщики” (специалисты по воровству и нищенству).

Большинство кочевых занятий подобного рода сопровождалось меновой торговлей, и некоторые постоянные чужаки превратились в профессиональных купцов. Шейх-мохаммади из Восточного Афганистана кочевали по традиционным путям сезонных миграций, торгуя необходимыми земледельцам промышленными товарами; хумли-хиампа из Западного Непала меняли тибетскую соль на непальский рис; яо, обитавшие в окрестностях озера Малави, освоили важный участок торгового пути вдоль побережья Индийского океана; а коороко из Васулу (ныне Мали) прошли путь от парий-кузнецов до оптовых торговцев орехом кола¹.

Некоторые изгой без труда превращаются в капиталистов. Еврейские, армянские и несторианские (ассирийские) предприниматели использовали свой опыт бродячих правонарушителей при создании успешных коммерческих корпораций

в то время, как большинство их соотечественников, занятых в сфере обслуживания, оставались социально маргинальными мясниками, кузнецами, сапожниками, цирюльниками, носильщиками, коробейниками, извозчиками и ростовщиками. В мировой трансконтинентальной торговле доминировали диаспоры, пользовавшиеся политической и военной поддержкой, — греческая, финикийская, мусульманская, венецианская, генуэзская, голландская и британская (среди прочих), — однако место для незащищенных и предположительно нейтральных чужаков находилось всегда. Точно так же как бродячему торговцу шейх-мохаммади разрешалось продать браслет скрытой от мужских глаз пуштунке или примирить двух воинов, не подвергая их честь опасности, еврей-предприниматель мог безнаказанно пересекать христианско-исламскую границу, брать на откуп крупные армейские подряды и заниматься запретным, но всегда нужным “ростовщичеством”. В XVI и XVII веках армянские купцы руководили мощной торговой сетью, соединявшей Османскую, Сефевидскую, Могольскую, Российскую и Голландскую империи посредством специально обученных коммерческих агентов, стандартных договоров и подробных руководств по международным ценам, тарифам и системам мер и весов. В XVIII веке интересы российской и османской дипломатий квалифицированно представляли балтийские немцы и греки-фанариоты².

Чужеродность могла быть полезной и внутри сообщества. Не вступая в браки, драки и дружеские союзы с окружающим населением, профессиональные парии являлись символическими эквивалентами евнухов, монахов и безбрачных либо потомственных священников, поскольку они оставались вне традиционной сети соседских обязательств, кровной дружбы и родовой вражды. Инаданы, строго эндогамные оружейники и ювелиры Сахары, могли отправлять важные ритуальные функции на туарегских свадьбах, жертвоприношениях, церемониях наречения детей и празднованиях военных побед,

поскольку на них не распространялись принятые у туарегов требования чести, правила уклонения от общения и законы брачной политики. Купцы-навары служили бедуинам руала для обмена деликатной информацией с соседями; армянские “амира” обеспечивали османский двор надежными откупщиками, казначеями и производителями пороха; а еврейские арендаторы и “шинкари” позволяли польским землевладельцам выжимать доходы из крепостных, не жертвуя при этом риторикой патриархальных отношений³.

Развитие европейского колониализма и вторжение коммерческого капитала в немонетарные системы обмена привели к появлению новых чужаков-специалистов. В Индии парсы Бомбея и Гуджарата стали основными коммерческими посредниками между европейцами, внутренними областями Индии и Дальним Востоком. Потомки зороастрийцев, бежавших в VIII веке из исламизованного Ирана, они образовали замкнутое, эндогамное и политически автономное сообщество, которое оставалось вне индуистской кастовой системы и обладало относительно большей экономической маневренностью. Начав как бродячие торговцы, ткачи, плотники и поставщики алкоголя, с появлением в XVI столетии европейцев они перешли на финансовое посредничество, ростовщичество, судостроение и международную торговлю. К середине XIX века парсы стали ведущими банкирами, промышленниками и профессионалами Бомбея, а также лучшими в Индии знатоками английского языка и западных социальных норм.

Во второй половине XIX века более двух миллионов китайцев последовали за европейским капиталом в Юго-Восточную Азию (где у них и ранее имелись многочисленные колонии), Индийский океан и обе Америки. Некоторые ехали в качестве неквалифицированных рабочих, однако очень многие (включая прежних “кули”) быстро перешли в сектор услуг и со временем заняли господствующее положение в торговле и промышленности Юго-Восточной Азии.

В Восточной Африке нишу “посредников” между европейской элитой и туземными земледельцами и скотоводами заняли индийцы, которые прибыли после 1895 года на строительство Угандийской железной дороги и вскоре монополизировали розничную торговлю, конторские должности и “свободные” профессии. Индусы разных каст, мусульмане, сикхи, джайны и католики из Гоа стали *baniyas* (торговцами). Так же поступили ливанские и сирийские христиане (и некоторые мусульмане), отправившиеся в Западную Африку, Соединенные Штаты, Латинскую Америку и на Карибские острова. Многие из них начинали как торговцы вразнос (“коральщики” африканского “буша” или *mescates* внутренних территорий Бразилии), затем открывали постоянные магазины и со временем переходили в промышленность, транспорт, политику, банковское дело, операции с недвижимостью и индустрию развлечений. И куда бы ливанцы ни приезжали, их главными конкурентами были армяне, греки, евреи, индийцы или китайцы — и не только они⁴.

Все эти группы были вторичными производителями, специализировавшимися на предоставлении товаров и услуг окружавшему их сельскохозяйственному или пастушескому населению. Их главными ресурсами были люди, а не природа; их основной специальностью были “иностранные дела”. Они были потомками — или прародителями — Гермеса (Меркурия), бога всех тех, кто не пасет стада, не возделывает землю и не живет мечом; покровителя посредников, переводчиков и перебежчиков; защитника мастерства, искусства и хитроумия.

В большинстве традиционных пантеонов существуют боги-плуты, аналогичные Гермесу, и в большинстве человеческих обществ имеются члены (гильдии или племена), которые обращаются к этим богам за помощью и поддержкой. Область их деятельности огромна, но внутренне последовательна, потому что всегда сосредоточена вдоль границ. Имя Гермеса происходит от греческого “груда камней”, и ран-

ний его культ был связан с пограничными столбами. Протеже Гермеса общаются с духами и чужаками в качестве гонцов, жрецов, купцов, мастеров, проводников, гробовщиков, глашатаев, целителей, искусителей, переводчиков, провидцев, магов и бардов. Все эти занятия тесно связаны между собой, поскольку жрецы были гонцами, гонцы — жрецами, а искусные ремесленники — искусителями (и купцами, которые тоже были гонцами и жрецами). На Олимпе и далеко за его пределами производители и присвоители пищи уважали, боялись и презирали их. То, что они привозили из других миров, было часто чудесным и всегда опасным: Гермес служил единственным проводником в Аид; Прометей, еще один искусный покровитель ремесленников, принес людям самый чудесный и опасный из всех даров; Гефест, божественный кузнец, сотворил Пандору, первую женщину и источник всех бед и соблазнов; а еще двумя римскими богами границы (помимо Меркурия) были Янус, двуликий покровитель начинаний, имя которого означает “дверь, вход”, и Сильван, надзирающий за миром дикой природы (*silvaticus*), раскинувшимся за порогом⁵.

Можно отмечать героизм и смекалку, а можно чуждость и лукавство — так или иначе всем приверженцам Гермеса свойственно меркурианство, или непостоянство. Применительно к народам это означает, что все они странники и скитальцы — от полностью кочевых цыганских таборов до коммерческих сообществ, разделенных на лавочников и коммивояжеров, и до постоянно оседлых народов, считающих себя изгнанниками. Они могут не знать родины, подобно ирландским “странникам” или шейх-мохаммади, потерять ее, подобно армянам и евреям, или не иметь с ней политических связей, как уехавшие за моря ливанцы или индийцы; их главное свойство — постоянная, профессиональная чужеродность (яванское слово “купец”, *wong clagang*, означает “иностранец”, “странник” или “бродяга”). Их мифы о собственном происхождении и символическом предназначении неизменно

отличаются от мифов их клиентов, а их (временные) пристанища обычно не похожи на жилища их оседлых соседей. Еврейский дом на Украине не походил на соседнюю крестьянскую хату не потому, что его архитектура была еврейской (таковой не существует), а потому, что его никогда не красили, не латали и не украшали. Он не был частью ландшафта; он был скорлупой, в которой скрывалось подлинное сокровище — дети Израилевы и их память. Все кочевники определяют себя в генеалогических терминах; большинство “кочевых посредников” настаивает на генеалогическом принципе, находясь в окружении аграрных обществ, которые сакрализуют пространство. Все они народы времени, а не места; народы одновременно “бездомные” и “исторические”, “безродные” и “древние”⁶.

Каковы бы ни были источники отличий, наибольшее значение имеет сам факт их существования. Поскольку только чужаки могут заниматься определенными опасными, чудесными и постыдными профессиями, успешное функционирование меркурианцев зависит от того, как долго им удастся быть чужаками. Согласно Брайану Л. Фостеру, в начале 1970-х годов народ мон в Таиланде был разделен на крестьян-рисоводов и торговцев-речников. Крестьяне называли себя тайцами, редко говорили по-монски и утверждали, что на самом деле говорят на нем еще реже; торговцы называли себя мон, часто говорили по-монски и утверждали, что на самом деле говорят еще чаще. Крестьяне не были уверены, что их предками были мон; торговцы были совершенно уверены, что их клиенты-крестьяне таких предков не имели (иначе они не стали бы их клиентами). И те и другие соглашались, что заниматься торговлей не жульничая невозможно и что быть жуликом — значит нарушать правила крестьянского общежития. “В самом деле, торговец, который решит соблюдать традиционные запреты и обязательства, быстро обнаружит, что вести доходное дело ему вряд ли удастся... Он не сможет никому отказать в кредите

и никогда не соберет долгов. Если он будет строго придерживаться существующих норм поведения, то о получении прибыли ему придется забыть”⁷.

Как сказано в аналогичном предписании более раннего периода, “не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею” (Второзаконие 23: 19–20). Это означает среди прочего, что если ты хочешь отдавать в рост, то тебе придется быть иноземцем (или подвергнуться одомашниванию с применением разнообразных методов “клиентелизации” и “кровного братания”).

С точки зрения сельского большинства, все искусства искушают, а всякий коммерсант корыстен (английские слова *merchant* — “купец”, “коммерсант” и *mercenary* — “корыстный”, “наемник” — происходят, как и имя самого Меркурия, от *merx*, “товары”). И разумеется, Гермес был вором. Соответственно, европейских купцов и ремесленников обычно выделяли в особые городские общины; в некоторых горных деревнях современного Эквадора владельцы магазинов — протестанты; а один китайский торговец, которого Л. А. Питер Гослинг наблюдал в малайской деревне, “во всем походил на малайца и скрупулезно соблюдал малайские обычаи, включая ношение саронга, тихую и вежливую малайскую речь и скромное и учтивое поведение. Однако в пору сбора урожая, когда он выходил в поле, чтобы забрать ту часть жатвы, под которую ранее давал кредит, он одевался по-китайски, в шорты и майку, говорил отрывисто и вообще вел себя, по словам одного малайского крестьянина, «совсем как китаец»”⁸.

Noblesse oblige, и потому многие иноземцы-меркурианцы взяли себе за правило — если не вменили в добродетель — жить в чужих монастырях по своему уставу. Китайцы огорчают малайцев своей “грубостью” (*icasar*); инаданы изум-

ляют туарегов отсутствием чувства собственного достоинства (*takarakaɣt*); японские буракумины уверяют, что неспособны сдерживать эмоции; а еврейские лавочники Европы редко упускали случай поразить гоев своей назойливостью и многословием (“Жена, дочь, слуга, собака — все так и голоса вам в уши”, — злорадно цитирует Зомбарт). Цыгане в особенности ежечасно нарушают общепринятые правила поведения, оскорбляя чувства своих клиентов. Они могут “тушеваться”, когда находят это выгодным, но чаще всего они подчеркивают свою чужеродность с помощью резких речей, броских манер и ярких красок — нередко посредством изощренных публичных демонстраций вызывающей неуместности⁹.

Подобные спектакли тем обиднее для коренного населения, что многие обидчики — женщины. В традиционных обществах чужеземцы смешны, опасны или отвратительны потому, что они нарушают нормы; самые же важные нормы — те, что регулируют половую жизнь и половое разделение труда. Чужеземные женщины всегда либо угнетены, либо распущенны — и нередко “прекрасны” (вследствие их угнетенности и распущенности, а также потому, что они — главная причина и главная награда большинства военных кампаний). Не все иностранцы странны в равной степени, но нет иностранцев страннее странников внутренних, для которых нарушение норм — профессия, призвание и символ веры. Торговцы среди пайщиков, кочевники среди крестьян и племена среди наций, они являются зеркальными отражениями своих хозяев — причем временами делают это намеренно и напоказ, в качестве профессиональных шутов, предсказателей будущего и карнавальных исполнителей.

Распространенное среди аборигенов мнение, что меркурианские женщины и мужчины имеют склонность меняться местами, — не только вариация на тему “извращенности иноземцев”, но и наблюдение, основанное на реальных профессиональных различиях.